

Трагическая судьба царевича Алексея

Через год с небольшим после брака царица Евдокия 18 февраля 1690 года родила сына, которому в честь деда дали имя Алексей. Царь Петр был очень рад рождению своего первенца: он принял поздравление стрельцов Бутырского полка и через неделю сделал великолепный фейерверк на Пресне. Через полтора года у него родился второй сын, Александр, который умер в младенчестве.

Обучать грамоте царевича Алексея стали с шести лет. Наставником к нему был определен Никифор Вяземский, который сообщал царю, находившемуся под Азовом, что его сын, узнав буквы азбуки, начал учить Часослов.

Уже находясь в Европе, Петр решил развестись с Евдокией Федоровной Лопухиной и поручил своим приближенным уговорить ее добровольно уйти в монастырь. Не получив согласия на развод, царь в следующем году приказал насильственно постричь ее в монахини и отправить в Суздальский Покровский монастырь. Так царица очутилась там под именем старицы Елены. Что же касается восьмилетнего царевича Алексея, то он был на стороне матери, и это обстоятельство в будущем очень повлияло на взаимоотношения между отцом и сыном.

Трагическая судьба первенца великого Преобразователя России известна всем, ей посвящено много работ.

Царевич Алексей оказался на попечении тетки – царевны Натальи Алексеевны. Все исследователи пишут, что первоначальное влияние матери на Алексея оказалось глубоким. Уже в детстве он был восстановлен против державного родителя семейством Лопухиных, яростных защитников старины и ненавистников новшеств Петра. Враги царя-реформатора смотрели на царевича как на свою будущую надежду. «Главным несчастьем было то, — что до десяти лет царевич находился под надзором матери, косневшей в предрассудках старины и ненавидевшей все, что нравилось Петру». Историк отмечает интересный факт из биографии сына Петра I. Дело в том, что царь решил отправить Алексея для обучения и воспитания в Германию, под надзор саксонского генерала Карловича, приехавшего в Москву в 1699 году. Царевич должен был учиться в Дрездене, куда Франц Лефорт, сподвижник Петра, указал своему сыну Генриху в связи с этим ехать из Женевы.

Однако из-за смерти генерала Карловича, убитого под Ригою, отъезд царевича и состоялся. Вскоре началась война России со Швецией, и поражение русских под Нарвою сильно озаботило Петра: учебу Алексея за границей он отложил до более благоприятного времени.

Царь, решив воспитывать наследника дома, в начале 1703 года назначил к нему наставником барона Генриха Гюйсена, получившего образование в лучших немецких университетах. Выбор Петра оказался удачным. Уже в марте этого же года Гюйсен написал наставление из девяти статей о нравственном воспитании царевича. Программа обучения наследника была весьма насыщенной: особое внимание уделялось французскому языку, изучению арифметики, геометрии, географии, русского языка, политических дел, военного искусства. Сам царь одобрил эту программу и пожаловал генералу оклад в 1000 рублей. Петр хотел возложить на него и должность обер-гофмейстера царевича, но Генрих Гюйсен предложил возложить ее на светлейшего князя Александра Даниловича Меншикова, любимца царя, с чем Петр и согласился.

Великий реформатор стремился привлечь сына как будущего государя ко всем практическим делам. Именно из этих соображений Петр взял Алексея в 1703 году в поход в звании солдата бомбардирской роты. Через год царевич участвовал в штурме Нарвы. И здесь наследник российского престола, четырнадцатилетний юноша, впервые услышал от отца строгое предупреждение: «Я сегодня или завтра могу умереть; но знай, что мало радости получить, если не будешь следовать моему примеру. Ты должен все, что служит благу и чести отечества, должен любить верных советников и слуг, будут ли они чужие или

свои, и не щади трудов для общего блага. Если советы мои разнесет ветер и ты не захочешь делать того, что я желаю, то я не признаю тебя своим сыном». Дальнейшие события подтвердили, что у Петра были веские основания для такого сурового предупреждения.

Царевич Алексей был умен, и его отец признавал это: «Бог разума тебя не лишил». Проблема заключалась совсем в другом.

С. М. Соловьев в «Публичных чтениях о Петре Великом» высказался следующим образом: «Алексей... был тяжел на подъем, не способен к напряженной деятельности, к сильному труду, чем отличался отец его; он был ленив физически, и поэтому домосед, любивший узнать любопытные вещи из книги, из разговора только. Сын, по природе своей, жаждал покоя и ненавидел все то, что требовало движения, выхода из привычного положения и окружения».

Обремененный напряженной борьбой со шведским королем Карлом XII, Петр I приезжал в Москву лишь на короткое время, а светлейший князь Меншиков постоянно находился в Санкт-Петербурге. Воспитатель наследника генерал Гюйсен по царскому повелению еще в начале 1705 года уехал с поручением за границу и вернулся в Россию только в октябре 1708 года. Оставленный без надзора, царевич окружил себя в селе Преображенском монахами. Особое влияние на Алексея оказывал боярин Александр Кикин. Известен факт, что царевич в 1706 году самовольно ездил к своей матери в Суздаль. Тетка Наталья Алексеевна тотчас же донесла царю об этом тайном посещении. В начале 1707 года Петр вызвал сына в Галицию, где сам находился, и выразил ему свое негодование по поводу его встречи с матерью.

После полтавской победы Петр I отправил в мае 1709 года своего сына учиться в Германию, повелев ему быть в корпусе князя Меншикова, который отправился в Польшу. 23 октября 1709 года царь писал сыну: «Объявляем вам, что по прибытии к вам господина Меншикова ехать в Дрезден, который вас туда отправит, и коему с вами ехать, прикажет. Между тем приказываем вам, чтобы вы, будучи там, честно жили и прилежали больше учению, а именно языкам (которые уже учишь, немецкий и французский), геометрии и фортификации, также отчасти и политических дел. А когда геометрию и фортификацию окончишь, отпиши нам. За сим управи Бог путь ваш». Пребывание царевича Алексея за границей должно было иметь еще одну цель: женить его на иноземной принцессе.

Спутниками и собеседниками царевича были назначены князь Юрий Трубецкой и граф Иван Головкин – сыновья знатнейших вельмож царя. От князя Меншикова они получили строгую инструкцию о поведении за пределами русского государства: прежде всего быть там инкогнито, чтобы усердно учился Алексей Петрович и строго выполнять царские указания.

Приехав в Краков, царевич 19 декабря 1709 года писал отсюда отцу по-немецки, что он прибыл и ждет его дальнейших указаний. В марте 1710 года Алексей приехал в Варшаву и остановился на дворе царского посла князя Г. Долгорукого. Из Варшавы царевич отправился в Дрезден, а оттуда – в Карлсбад для лечения водами. В верстах десяти от курортной знаменитости, в местечке Шлакенверт, сын Петра встретится с польской королевой, а также и со своей будущей супругой принцессой Шарлоттой-Христиной Софией Брауншвейг Вольфенбюттельской, внучкой герцога Брауншвейгского. Преследуя политические цели – сближение с ганноверским курфюрстом и австрийским двором, — Петр I договорился о браке своего сына еще в 1707 году.

Но прежде чем описывать свадьбу русского царевича с зарубежной принцессой, кстати, первую в истории российского Дома Романовых, необходимо сказать о том, как она долго готовилась.

28-го января 1707 года в Вене, тогдашней столице Священной Римской империи, два дипломата беседовали о поисках невесты для царевича Алексея, которому еще не было семнадцати лет. Это были: барон Урбих, датский посланник, и барон Гюйсен, находившийся на русской службе, наставник царевича Алексея. Эти два опытных сановника остановили свой выбор на вольфенбюттельском доме, где были две красивые, хорошо воспитанные

принцессы: Шарлотта-Христина-София, родившаяся 29 августа 1694 года, и Антуанетта-Амалия, младше ее на полтора года.

В рассматриваемое время это был самый влиятельный дом во всей Германии. Ведь еще в XII веке Вельфы, от которых происходили вольфенбюттельские герцоги, были могущественными владетелями в Италии и Германии и оспаривали корону у германских императоров. Короли Швеции, Дании, Польши и Пруссии состояли в родстве с Вельфами.

По мнению Урбиха, главное препятствие относительно родственного сближения между русским царем и вольфенбюттельским домом заключалось в том, что принцесса, вероятно, пожелает сохранить свое лютеранское вероисповедание. Более того, для успеха брачного дела он предложил, чтобы царевич был отправлен на год или больше для занятий в вольфенбюттельский дворянский лицей. Урбих уполномочил Гюйсена довести его предложение до царя и со своей стороны послал письмо о переговорах в Вольфенбюттель.

Петр I одобрил предложение Урбиха, принял его на русскую службу и назначил послом при Священной империи, вероятно для того, чтобы через него вести переговоры о сватовстве. В письме от 30 августа 1707 года царь благодарил герцога вольфенбюттельского за его согласие вступить с ним в родственный союз.

Но на практике Урбиху предстояло нелегкое дело: для брака нужно было согласие нескольких лиц. Если глава вольфенбюттельского дома 74-летний герцог Антон-Ульрих, бодрый и предприимчивый старик, принял предложение русского царя, то мать тринадцатилетней принцессы на брак смотрела иначе: она была против. Более того, не все родственники герцога поддерживали идею брака. На тайном семейном совете решили отложить дело до прекращения войны между Россией и Швецией. Герцог Антон-Ульрих в начале 1708 года предложил царю отложить заключение брачного договора до тех пор, когда жених и невеста получат возможность лично познакомиться друг с другом. О согласии Петр I мы узнаем из его письма герцогу от 17 сентября 1708 года. Таким образом, дальнейшие переговоры о сватовстве были приостановлены.

Принцесса Шарлотта воспитывалась в Саксонии, при дворе польско-саксонского короля Августа как его родственница. Она редко виделась со своими родителями и находилась с ними в переписке начиная с 1701 года. Из писем принцессы видно, что она не хотела брака с царевичем. Однако ее судьба была решена, когда король Август, желая иметь политические выгоды, энергично взялся довести начатое дела о сватовстве до победного конца. Приняв свадебные издержки на себя, Август сделал герцога Антона-Ульриха своим союзником.

Победа русского оружия в Полтавской битве ускорила заключение брака принцессы вольфенбюттельской и русского царевича Алексея. Уже с конца 1709 года Шарлотта ожидала встречи со своим женихом, но встреча произошла только весной следующего, 1710 года, в июне, и имела благополучные результаты. Вскоре царевич просил у польской королевы руки принцессы. Граф Головкин отправился в Вольфенбюттель просить от имени царевича деда и родителей согласия на брак, и получил таковое.

9 ноября 1710 года мать принцессы герцогиня Христина-Луиза писала Урбиху: «Страх, которому мы предавались, и может быть не без основания, вдруг развеялся в такое время, когда всего менее можно было этого ожидать, развеялся как туча, скрывающая солнечные лучи; небо прояснилось, когда мы ждали ненастья. Царевич объяснился с польскою королевою и потом с моею дочерью самым учтивым и приятным образом. Моя дочь Шарлотта уверяет меня, что царевич очень переменялся в свою пользу, что он очень умен, что у него самые приятные манеры, что он благороден, что она считает себя счастливою и очень польщена честью, какую царевич и царь оказали ей своим выбором. Мне остается только пожелать, чтобы такое хорошее начало увенчалось концом и чтобы дело не затянулось».

Договор о браке между царевичем Алексеем и немецкой принцессой Шарлоттой, подписанный 19 апреля 1711 года лично Петром, явился первым международным юридическим документом Дома Романовых. Более того, привлекает внимание взаимные

обязательства двух сторон, обстоятельно изложенные в тринадцати пунктах брачного контракта.

В преамбуле документа говорилось о значении подписываемого договора для дружбы и крепкого союза. В первом пункте подчеркивалось, что молодые супруги «при покровительстве своих родителей взаимно обязуются быть в уважении, верности и любви друг к другу». Со второго пункта трактата рассматривался вопрос о содержании принцессы Шарлотты при русском дворе. В частности, отмечалось, что принцесса вместе со своими людьми будет находиться в Москве на полном обеспечении.

Важнейшим в брачном договоре является пятый пункт. В нем подчеркивается, что «Ее светлость кронпринцесса Шарлотта имеет право либо сохранить свою евангелическую веру, либо принять православное вероисповедание, что в этой области не будет принуждения, в равной степени и по отношению к прислуге ее двора».

В седьмом пункте брачного договора определялась общая сумма на содержание двора царской невестки – ежегодно 50 тысяч ефимков. Кроме того, в связи с заключением брака своего сына Петр I подарил принцессе 25 тысяч ефимков, которыми она могла распоряжаться по собственному усмотрению.

В одиннадцатом пункте брачного трактата отмечалось, что дети цесаревича Алексея и кронпринцессы Шарлотты должны воспитываться в православном вероисповедании.

После заключения брачного договора царевич Алексей отправился к невесте в Брауншвейг и во время Прутского похода русских войск жил в семействе будущей супруги в Зальцдагене, замке близ Брауншвейга.

Брак царевича Алексея и принцессы Шарлотты состоялся 14 октября 1711 года в саксонском городе Торгау. На свадьбу приехал сам Петр.

В большом зале королевского замка на помосте под красным бархатным балдахинном стоял стол, также покрытый бархатом, с крестом и двумя венцами; по сторонам стояли четыре кресла – для жениха и невесты, царя и Польской королевы, и три стула – для деда, отца и матери принцессы. Пол был покрыт зеленым сукном.

В четвертом часу пополудни под звуки музыки началось торжественное шествие в большой зал: впереди шел Петр с Алексеем, за ними герцог с невестой, а за ними – знатные дамы и кавалеры.

В зале, когда замолкла музыка, священник приступил к свадебному ритуалу. Венец над головою принцессы держал канцлер граф Головкин. После венчания, в 8 часов, был свадебный стол. 4 октября Петр писал князю Меншикову: «На письмо ваше буду впредь отвечать, а ныне не успел за свадьбою сына моего, которая сегодня совершилась, слава Богу, добрым порядком, и людей было зело знатных много. Свадьба была в доме королевы Польской, где и от вас присланный арбуз поставлен был, который овощь здесь зело за диво». Этим же числом отмечен и царский рескрипт к сенату о бракосочетании царевича. «Господи сенат! Объявляем вам, – говорилось в нем, – что сегодня брак сына моего совершился здесь в Торгау, в доме королевы польской, на котором довольно было знатных персон. Слава Богу, что сие счастливо совершилось. Дом князей Вольфенбюттельских, наших сватов, изрядной».

На другой день рано утром Петр I пришел в покои новобрачных и «кушал там инкогнито» с сыном и Шарлоттой, которая с этого дня официально стала именоваться кронпринцессой.

Итак, свершился невероятный с точки зрения русского православия факт: единственный преемник по мужской линии царевич Алексей по приказу своего отца вступил в брак с принцессой евангелического вероисповедания. При этом Петр I уже не требовал перемены веры для невесты своего сына, и Шарлотта Вольфенбюттельская сохранила свою веру.

В начале ноября 1711 года царевич Алексей Петрович посетил Вольфенбюттель, где с большой торжественностью было отмечено его бракосочетание. В память этого события выбили медали с портретами новобрачных. Когда 7 ноября царевич покидал Брауншвейг,

по улицам города стояли герцогские войска в новых мундирах, а перед его каретой ехала почетная лейб-гвардия, министры и придворные. По приказу отца Алексей Петрович отправился в Померанию, куда через месяц прибыла и кронпринцесса со свитой. Молодая чета прожила вместе только полгода, так как сын Петра I должен был ехать на театр военных действий, а Шарлотта направилась в Санкт-Петербург.

В Петербурге кронпринцессу встретили торжественно, о чем она с удовольствием поведала своему отцу. Когда экипаж Шарлотты подъехал к Неве, к берегу подплыла красивая шлюпка, обитая красным бархатом и золотыми галунами. На шлюпке находились бояре, которые должны были приветствовать кронпринцессу и перевезти ее на другой берег. На этом берегу стояли министр и другие бояре в одеждах из красного бархата, украшенных золотым шитьем. Недалеко от них царица ожидала свою невестку. Когда Шарлотта приблизилась к ней, она хотела, согласно с этикетом, поцеловать у нее платье, но Екатерина не допустила этого, сама обняла и поцеловала ее и потом проводила в приготовленный для нее дом. Там она повела Шарлотту в кабинет, украшенный коврами, китайскими изделиями и другими редкостями, где на небольшом столике, покрытом красным бархатом, стояли большие золотые сосуды, наполненные драгоценными камнями и разными украшениями. Это был подарок на новоселье, приготовленный царем и царицею для их невестки.

Царевич, более года не видевшийся с женою и утомленный вечными переездами и неудобной лагерной жизнью, был рад встрече с женой и столько же рад тому, что можно было успокоиться, осесть на одном месте. Этот отдых после неприятного труда хорошо подействовал на состояние его духа, и первое время он был добр и очень нежен с женой.

«Царь меня осыпает ласками и милостями, – писала кронпринцесса матери в конце августа 1713 года. – Мне теперь не только правильно выплачивают четвертные деньги, но сначала я получала всю нужную для меня провизию, а теперь мне назначено несколько имений для покрытия расходов по хозяйству. Эти имения отданы мне в полное распоряжение, и мне принадлежит даже судебная власть над ними. В них живет 600 душ, а в скором времени мне дадут еще 900, что составит вместе 1500. Впрочем, эти имения рассеяны по разным местам. Царь во время своего пребывания здесь был очень ласков ко мне, он говорил со мною о самых серьезных делах и уверял меня тысячу раз в своем расположении ко мне. Царица со своей стороны не упускает случая выразить мне свое искреннее уважение. Царевич любит меня страстно: он выходит из себя, если мне не достает хоть малейшей вещи, а я без ума от любви к нему». Документы свидетельствуют, что летом 1713 года отношения между царевичем и кронпринцессой были самыми лучшими в их совместной жизни.

Однако в следующем, 1714 году начались семейные неприятности, связанные в основном с ухудшением отношений между царем и царевичем из-за появления крепостной Евфросиньи в роли любовницы Алексея Петровича. Правда, в семейной жизни царственной молодой четы были свои минуты полного счастья, и у этих столь чуждых друг другу супругов был предмет, на котором сходились их чувства и интересы – это была их маленькая дочь Наталья, родившаяся 12 июля 1714 года. Когда царевич ласкал свою маленькую девочку, в нем пробуждалась та нежность, которую ему не на ком было сосредоточить, а Шарлотта, восхищаясь этой нежностью, была тогда полна счастья и спешила поделиться этим счастьем с матерью. «Царевич, – писала она, – любит малютку с необыкновенной нежностью, а она, хотя еще так мала (ей было в то время 4 месяца с небольшим), очень к нему привязана и радуется, когда его видит. Он уносил ее уже несколько раз в свою комнату, нянчил на руках, показывал всем и спрашивал: не правда ли, что такого милого ребенка, как моя дочь, трудно найти? Все русские восхищаются малюткой и говорят, что подобного ребенка на свете нет». Шарлотта с материнской привязанностью следила за развитием ребенка. С гордостью известила она мать, что у ее трехмесячной малютки прорезывается уже третий зуб, а 4 месяца спустя она писала, что ее дочка не по возрасту умна и понимает все, что ей говорят. «Хотя она еще так мала, она однако меня боится. Если она тянется к чему-нибудь и ей скажут, что мне пожалуются, она тотчас успокоится; если же ей не пригрозят моим

именем, а просто потребуют, чтобы она перестала, она начинает смеяться и ведет себя еще хуже; при этом она меня чрезвычайно любит. Царевича же она ласкает совершенно как взрослая. Когда она увидит, что он не в духе, она тотчас притихнет и только смотрит на него, а когда он к ней обернется, она улыбается и лепечет». Только такие минуты материнской радости были единственным утешением Шарлотты в ее нелегкой жизни в России.

Брак Алексея и Шарлотты оказался несчастливym. Личная жизнь кронпринцессы в русской столице часто сопровождалась ограничениями и лишениями: как лютеранка Шарлотта плохо воспринимала православную Россию, деньги выплачивали несвоевременно, а имения, пожалованные царем, давали очень мало доходов. У супруги царевича нередко происходили стычки с неуравновешенным, вспыльчивым царевичем, с его родственниками, в частности с супругой Петра I Екатериной и сестрой царя Натальей Алексеевной. После одной ссоры с царевичем Шарлотта писала своей матери: «Если б я не была беременна, то уехала бы в Германию и с удовольствием согласилась бы там питаться только хлебом и водою. Молю Бога, чтоб Он наставил меня своим духом, иначе отчаяние заставит меня совершить что-нибудь ужасное...»

Еще в 1714 году, когда после рождения дочери Шарлотта благодарила Петра I за ласковое письмо к ней, она в шутовском тоне выразила надежду со временем исполнить его пожелание – родить внука. И действительно, 12 октября 1715 года Шарлотта родила сына, названного в честь царствующего деда Петром.

Но здоровье кронпринцессы было совершенно надломлено, о чем засвидетельствовал консилиум врачей. И спустя десять дней после родов супруга царевича Алексея внезапно скончалась.

Перед самой смертью кронпринцесса просила передать ее личное письмо Петру I, озаглавленное «Всепопданнейшая и последняя просьба моя к его царскому Величеству, подписанная мною перед моею смертью». В письме было сказано, что Шарлотта не желает делать никаких распоряжений относительно своих похорон и все предоставляет царю. Все свои драгоценности, золотые и серебряные вещи она завещает детям; остальные же вещи предоставляет своей кухне, принцессе, для раздачи между прислугой.

Затем Шарлотта просила царя дозволить всем ее придворным возвратиться на родину и дать им денег на путевые издержки. «И так как я, – продолжала она, – по причине здешней дороговизны и неопытности моей прислуги, сделала несколько долгов, то покорно прошу ваше царское величество удовлетворить моих кредиторов, чтобы честь моя и память после смерти не подверглись нареканиям. На уплату этих долгов можно употребить часть сбережений, которые доставит казне моя смерть, так как я, по Божьей воле, умираю так рано и прежде, чем я думала». Кроме того, Шарлотта заявила, что вследствие неожиданной смерти она не имела времени подписать счета своих придворных. Но так как ей вполне известно, что ее секретари Кювер и Клемент, которые выдавали ее деньги, служили ей честно и усердно, то она просит принять их счета и расписки, а в случае нужды поверить им на слово. Письмо оканчивалось теплым изъявлением признательности царю и царице и пожеланием, чтобы Господь продолжил их жизнь, насколько он сократил ее век.

Около полудня она послала за царем. Петр был еще нездоров, но велел привезти себя к ней в кресле. Он старался утешить ее, а она повторила лично свои просьбы, трогательно поручила ему своих детей и умоляла его, чтобы он оставил при них двух женщин, ею указанных. Царевич в последний день не отходил от жены, он был так огорчен, что три раза падал в обморок.

Шарлотта просила перед смертью, чтобы ее не бальзамировали. Но так как приготовления к похоронам не могли быть скоро окончены, царь велел анатомировать ее тело на другой день после кончины и сам присутствовал при этом.

Сами похороны вызвали разные затруднения, так как Петр желал при этом следовать обычаям, принятым при иностранных дворах, и нужно было достоверно осведомиться об этих обычаях. Возник также вопрос, следует ли стрелять из пушек при погребении. Царь

послал выяснить у иностранных дипломатов и после их ответов приказал, чтобы не стреляли.

Похороны кронпринцессы происходили 27 октября. К двум часам мужчины стали собираться у царевича, а дамы на другой половине дворца, в бывших покоях Шарлотты. Убранство залы, где находилось тело покойницы, напоминало залу, где четыре года перед тем происходило ее венчание, только вместо красного цвета преобладал черный. Как и в тот раз, все окна были занавешены сукном, а зала освещена многочисленными свечами. Не только стены, но и пол и потолок были покрыты черным сукном, и на этом фоне резко выделялись герб и балдахин из красного бархата с золотом. В 4 часа началось погребальное шествие. Между двумя рядами гвардии офицеры и придворные вынесли тело покойной к берегу Невы. За гробом шли царь и царевич, а за ними сенаторы, министры и дипломаты. За длинным рядом мужчин следовал длинный ряд дам, во главе которых шел маршал с черным жезлом. Впереди других дам шла царица Наталья Алексеевна. Екатерины Алексеевны не было на похоронах, так как она была беременна.

На берегу Невы процессию ожидал обитый черным фрегат. На этом фрегате и других судах все переехали к еще неотстроенному Петропавловскому собору. Между берегом и собором были расставлены солдаты, освещавшие факелами темноту. Тело опустили в могилу, причем пастор сказал небольшую речь. Так как гроб оставили под открытым небом до окончания возведения свода, то к могиле был приставлен почетный караул, после чего все возвратились во дворец царевича, где был приготовлен холодный ужин.

Постоянную заботу об осиротевших детях царевича Алексея проявляла Екатерина Алексеевна, супруга Петра I. Желая чаще их видеть, она перевезла их к себе, в Зимний дворец. Детские годы Натальи и Петра проходили в тесном семейном кругу, среди приближенного окружения императрицы.

Ближайшими друзьями детей кронпринцессы Шарлотты были великая княжна Наталия Петровна, младшая дочь Петра I, а также княжна Александра Александровна, дочь светлейшего князя А. Д. Меншикова. Они катались по аллеям летнего сада на особой тележке с маленькой лошадкой, подаренной им. Их охотно принимали у себя герцогиня Мекленбургская и ее сестра, царица Прасковья. Своего отца, царевича Алексея Петровича, дети видели редко: ему приходилось много разъезжать по стране, выполняя поручения отца.

Царевич в 1716 году, подстрекаемый своим ближайшим советником, яростным защитником старины боярином Кикиным, бежал под чужим именем за границу. Алексею внушали идею получить престол при военной помощи враждебных России государств. С большим трудом августейшего беглеца удалось вернуть домой, и его участь была решена.

Этот трагический эпизод русской истории петровской эпохи талантливо запечатлел выдающийся российский художник Николай Николаевич Ге в картине «Петр I допрашивает царевича Алексея Петровича в Петергофе». Встреча отца и сына, изображенная на полотне, произошла в один из майских дней 1718 года в Петергофском дворце. Автор показал здесь кульминационный момент взаимоотношений отца и сына: именно в эти минуты решалась судьба царевича Алексея. Царь перед встречей прочитал показания любовницы своего сына – Ефросиньи, бежавшей с ним за границу. Вернувшись в Россию, она вскоре родила ребенка от царевича Алексея, находясь уже в крепости. Для нее начались новые допросы и новые пытки. На допросе «с пристрастием» она рассказала все о замыслах возлюбленного и его сторонников из числа духовенства, старой боярской аристократии.

Процесс над царевичем Алексеем и его сторонниками отразил ту острейшую борьбу вокруг прогрессивных и масштабных преобразований Петра I, которые во многом определили последующее развитие России. Великий реформатор, человек огромной энергии, большого ума, решительно боролся против всего, что мешало его деятельности, осуществлению его замыслов. В своем фундаментальном труде «история России с древнейших времен»

С. М. Соловьев писал: «Время, нами описываемое, есть время тяжелой и кровавой борьбы, которая обыкновенно знаменует великие перемены в жизни народов...» И здесь же продолжал: «Не удивительно, что страшный переворот, который испытывала Россия в первую четверть XVIII века, внес разделение и вражду в семью преобразователя и повел к печальной судьбе, постигшей сына его, царевича Алексея Петровича».

Еще в день похорон Шарлотты, 27 октября 1715 года, царевич Алексей получил от отца письмо, в котором тот строго предупредил сына: если он не изменит свое поведение, то будет лишен права на наследие престола.

В начале февраля 1718 года царевич Алексей прочитал в Успенском соборе перед крестом и Евангелием клятвенную запись об отказе от наследия российского престола и подписал свое отречение. Об этом государственном акте сообщалось в специальном рескрипте от 6 февраля того же года.

В марте в Москве состоялись первые казни по делу царевича Алексея Петровича. В частности, был колесован главный советник и организатор побега сына Петра за границу боярин Кикин.

Допросы сторонников царевича продолжались в Петербурге. В июне 1718 года царевич Алексей был предан суду, состоявшему из 127 человек.

Сын царя оказался изменником, и его судьба решалась самим отцом.

Не просто было решать властителю России судьбу собственного сына, не оправдавшего его надежд как на достойного наследника престола. В связи с этим не случаен тот факт, что Петр I обратился 13 июня 1718 года к «преосвященным митрополитам, к архиепископам, к епископам и прочим духовенствам» со специальным «объявлением о суде царевича». Царь хотел получить от духовной элиты совет – как поступить в таком тяжелом случае?

Петр I им писал: «Понеже вы ныне уже довольно слышали о малослыханном в свете преступлении сына моего против нас яко отца и Государя своего и хотя я довольно власти над оным по божественным и граждан правам имею... учинить за преступление по воле моей, без совета других; а однако боюсь Бога, дабы не погрешить: ибо натурально есть, чтоб люди в своих делах меньше видят, нежели других в их. Також и врачи: хотя б и всех искуснее который был то не отважится свою болезнь лечить, но призывает других. Подобным образом и мы сию болезнь свою вручаем вам, прося лечения оной, боясь вечныя смерти».

Своим обращением Петр I поставил православных владык в очень сложное положение. Ведь, с одной стороны, большинство из них тайно симпатизировали царевичу Алексею, обещали ему при восхождении на престол уважать российскую «старину» и были недовольны тем, что царь подчинил себе церковь и не разрешает избирать патриарха. С другой стороны, «отцы православия», зная, каким бывает царский гнев, опасались вызвать у Петра политические обвинения и строгое наказание своими призывами к пощаде отступника.

И все же через пять дней, а именно 18 июня, Петру I вручили ответ духовных пастырей. Он, этот ответ, был предельно прост: суд над царевичем Алексеем – твое дело, поступай, как сам хочешь. На оба решения – казнь и помилование – они дали царю оправдательные выписки из Библии.

На следующий день, 19 июня, пытали царевича Алексея: подняли на дыбу и дали 25 ударов плетью. 24 июня – царские мастера заплочных дел вновь начали его истязать, но он вынес только 14 ударов плетью и лейб-медик царя Блументрост прекратил пытку, ибо она угрожала смерти. В тот же день Сенат вынес приговор: смертная казнь. Первым его подписал светлейший князь Меншиков. Таким образом, суд оправдал отца и обвинил сына. Однако Петра Великого еще ждал приговор потомства.

В истории России, династии Романовых это был первый и единственный случай, когда наследнику трона вынеси смертный приговор в результате судебного процесса, организованного по распоряжению его родного отца и при его непосредственном участии.

В книге «Записки о России при Петре Великом» граф Г. Ф. Бассевич пишет, что Екатерина Алексеевна Скавронская, вторая жена Петра I, якобы просила мужа, чтобы тот не приводил в исполнение смертный приговор над царевичем Алексеем, а постриг бы его в монахи, если кронпринцу нужно искупить тяжким наказанием проступок против отца.

А вот запись о последнем дне жизни сына первого российского императора, сохранившаяся в книге Санкт-Петербургской гарнизонной канцелярии за 1718 год: «26 июня пополудни в 8-м часу начали собираться в гарнизон его величество, светлейший князь (А. Д. Меншиков. – А. М.), князь Яков Федорович Долгорукий, Гаврило Иванович Головкин, Федор Матвеевич Апраксин, Иван Алексеевич Мусин-Пушкин, Тихон Никитич Стрешнев, Петр Андреевич Толстой, Петр Шафиров, генерал Бутурлин – и учинен был застенок, и потом, быв в гарнизоне до 11 часов, разъехались. Того же числа пополудни в 6-м часу, будучи под караулом в Трубецком раскате в гарнизоне, царевич Алексей Петрович представился». Церковный колокол вскоре известил жителей Северной столицы об этом печальном факте. В понедельник, 30 июня, состоялись церемония отпевания и погребение царевича.

Высказывание проф. С. М. Соловьева о том, что тайна смерти царевича Алексея не открыта историей, оказалось пророческим. И в настоящее время по этому поводу имеются различные утверждения.

После трагической смерти сына Петра I царица Екатерина Алексеевна взяла на себя заботу о его сиротах – сыне Петре и дочери Наталии. Прежний гнев царя на детей несчастного сына не распространялся. Более того, внук был весьма похож на деда, и Петр очень благоволил к нему, тем более что в 1723 году он лишился родного сына Петра и у него с Екатериной остались лишь три дочери – Анна, Елизавета и Наталия.